

Ирина Мельникова

ФОРМУЛА ОДИНОЧЕСТВА

Москва

❧ *Любовь, интрига, тайна* ❧

Читайте романы Ирины Мельниковой – прекрасные истории о вере, надежде и любви:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой

Грех во спасение

Александра – наказание Господне

Невеста по наследству

Фамильный оберег. Закат цвета фламинго

Фамильный оберег. Отражение звезды

Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!

Ржавый Рыцарь и Пистолетов

Дикая Лиза

Нянька для олигарха

Мой ласковый и нежный мент

Колечко с бирюзой

Неоконченный романс

Роман с Джульеттой

Горячий ключ

Формула одиночества

Стихийное бедствие

От ненависти до любви

Небо на двоих

В соавторстве с Георгием Ланским:

Ключи Пандоры

Лик Сатаны

Ярость валькирии

Сериал «Агент сыскной полиции»:

Агент сыскной полиции

Талисман Белой Волчицы

Финита ля комедия

Сибирская амазонка

Бесы Черного городища

Ирина Мельникова

ФОРМУЛА ОДИНОЧЕСТВА

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *А. Зининой*

Мельникова, Ирина Александровна.
М48 **Формула одиночества : [роман] / Ирина**
Мельникова. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-221839-2

Впервые за много лет археолог Марина вырвалась в отпуск и приехала в Тагры. На перроне ее встретил не хозяин дома, где она сняла комнату, а его друг Арсен. Между этими одинокими людьми сразу пробежала искра, но Марина после всех разочарований никак не могла заставить себя поверить мужчине... Чтобы избежать ухаживаний Арсена, женщина решила отправиться на экскурсию в горы, но он последовал за ней! Безобидная прогулка внезапно обернулась кошмаром: их группу взяли в плен боевики, только Арсену удалось скрыться. Теперь жизнь Марины и остальных туристов зависит только от него...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мельникова И., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221839-2

Все события в книге большей частью вымышленные, но вполне могли произойти на самом деле, так как оснований для этого предостаточно. К тому же часть героев вполне реальные люди.

Им я и посвящаю этот роман.

Автор

ГЛАВА 1

Ночью Марине снилось море. Бескрайнее, гладкое, как зеркало. Бледно-голубое — у берега и лазурное с изумрудным оттенком — у горизонта. Она шла по песку. Высоко в небе сияло солнце. Очень похожие на морскую пену облака не спасали от палящих лучей. Было очень жарко, а она потеряла где-то шляпку. «Нужно включить кондиционер», — промелькнуло в голове, и она проснулась.

Переход от сна к яви ошеломил ее. Снова душное купе с опущенной шторой на окне и плотно закрытой дверью. «Господи! Чтобы я когда-нибудь еще поехала поездом... — подумала она и отбросила простыню. — Да еще с незнакомыми людьми в купе! Ни за что!»

Тут она поняла, что в купе горит свет, а полка рядом с ней пуста. И очень тому обрадовалась. Она никогда не желала зла ближнему, особенно старикам и инвалидам, но подсевшая в их купе бабушка из Харькова...

Нет, нет, она была милой и опрятной старушкой. Но ее бесконечные с редкими перерывами на поход в туалет сетования о дороговизне купейного билета, рассуждения о нищенской пенсии и рассказы о соседях, внуках и детях, а под вечер о квартиранте Николае и его проблемах с женщинами кого угодно довели бы до белого каления.

Врожденная деликатность, которая все чаще и чаще доставляла ей массу неприятностей, не позволяла Марине прервать старушку, да та, наверное, вряд ли услышала бы ее. Причем бабка была очень доверчива и постариковски наивна. Ехала погостить к сестре и везла с собой пшено, сахар, сухари и пакетик карамели. Оказывается, если перевести гривны в рубли или, наоборот, рубли в гривны, по нынешнему курсу украинское пшено выходит дешевле, чем российское... И сухари, и карамель... В сумме на три или четыре рубля. Бабуля, сэкономив гроши, выглядела безмерно счастливой, и поэтому Марина страдала от ее бесконечной болтовни молча, чтобы не обидеть говорливую соседку.

Первой не выдержала Сабрина. Отложив растрепанную, с пестрой обложкой книжку, она подхватила сумочку, подмигнула Марине — мол, терпи, подруга! — и, махнув на прощанье ручкой, точно бабочка, выпорхнула из купе. Вскоре ее веселый щебет перекрыл мужественный бас. Сабрина добилась того, чего хотела. В соседнем купе ехали вахтовики из Нижневартовска. Трех юнцов-подчиненных Сабрина игнорировала, а вот их бригадира, крепкого коренастого мужика лет сорока с гаком, который добрую часть суток проспал на верхней полке, все-таки заставила выползти наружу. Остальное было делом техники. Сначала у Сабрины сломалась зажигалка. Встряхнув гривой белокурых волос, она страдальчески поморщилась, затем ее огромные голубые глаза наполнились слезами, а полные губы прошептали:

— Боже, я пропала!

Но разве настоящий мужчина позволит пропасть женщине из-за сломанной зажигалки? Бригадир тотчас протянул ей свою. Сабрина мило улыбнулась в ответ, и через минуту оба удалились в тамбур покурить. А еще через четверть часа Сабрина вернулась в купе, быстро подправила макияж и торопливо сообщила, что Сережа, так звали бригадира, пригласил ее в ресторан. К вечеру Сабрина вернулась. От нее пахло вином и табаком. Она была оживленна и весела. Бабушка в это время развернула на столике тряпочку с помидорами и огурцами и настойчиво приглашала Марину отведать домашние пирожки с капустой. С большим трудом Марине удалось отбить ее попытки.

В купе было душно. Бабушка боялась простудиться, и пришлось открыть дверь, чтобы не задохнуться. За весь день Марина выпила лишь пару стаканов минеральной воды да съела одно яблоко. Прихваченную из дома провизию она выбросила на следующий день, а купить что-то свежее на остановке не получилось. Она забыла, что теперь проезд по территории Украины чреват некоторыми неудобствами: четырьмя нудными проверками на границах — при въезде и выезде из страны.

Правда, можно было сходить в ресторан, но она представила, каково это — тащиться через несколько вагонов, затем возвращаться обратно, тем более есть особо не хотелось, разве что выпить чашечку кофе, без которого не начинался ни один ее день... Но даже это не стоило ее трудов. Назавтра поезд прибывал в Адлер. Закончится наконец ее утомительное путешествие, а кофе она выпьет в каком-нибудь кафе на вокзале.

Но даже эта мысль не прибавила Марине энтузиазма. Ее разморило от жары и болтовни соседки. Запахи домашней стряпни не притягивали, а раздражали. Однако она терпела, понимая, что ей в очередной раз сели на

голову, но лень уже захватила ее, и Марина этому состоянию не сопротивлялась. Слишком редко случалось такое, когда она могла позволить себе расслабиться и не думать о работе...

Больше ее беспокоило, как она устроится в Гаграх. Честно сказать, сначала она хотела поехать в Крым, посетить наконец Севастополь, о котором ей взахлеб рассказывал Семен. Он отслужил три года на линкоре «Стережущий» и свое матросское прошлое вспоминал с неизменным восторгом. Но в тот единственный проведенный вместе отпуск они так и не смогли побывать в этом городе.

После смерти Семена прошло уже тринадцать лет. Марина слишком много работала, чтобы добиться всего, о чем они мечтали вместе. И впервые за долгое время решила отправиться в отпуск одна, благо что дочь отдыхала в это время в молодежном лагере «Океан», на другом конце страны. Короткая передышка между совещаниями, конгрессами, археологическими раскопками и лекциями в университете — десять дней, не больше — все, что она могла себе позволить.

Но Крым нынешним летом переживал не лучшие времена. Украинские власти любезно пригласили американских военных провести учения близ Феодосии, на что местные жители отреагировали отнюдь не любезно. Недели две подряд все новостные программы показывали толпы людей, блокировавших дороги и санатории, где устроились на отдых brave янки, и бойцов украинского ОМОНа со щитами и дубинками наперевес...

Звучавшие с телеэкрана гневные выкрики и обвинения в экстремизме, заявления о продажности и предательстве с той и другой стороны, снятые крупным планом кулаки и дубинки поубавили энтузиазма у российских отдыхающих. Поезда на Симферополь и Феодосию опустели. И поэтому, когда подоспел отпуск, Марина

решила не рисковать и поехать куда-нибудь ближе к морю, но подальше от политических конфликтов.

Ее подруга Лариса два года подряд отдыхала в Гаграх и всю зиму допекала Марину рассказами и просмотрами фотографий, где море выглядело изумительно голубым, зелень — исключительно пышной и яркой, загорелые ноги — особенно стройными и длинными. А еще Лариса включала хит сезона «Черные глаза», и ее собственные глаза подергивала поволока. Вперив взгляд в потолок, она принималась тихо напевать:

Белый снег сияет светом,
Черные глаза!
Осень повернется летом,
Черные глаза!
Околдован я тобою,
Черные глаза,
Черные глаза,
Черные глаза...

Улучив минуту, Марина благополучно смывалась, оставляя подругу наедине со сладкими воспоминаниями и несбыточной мечтой. В этом году сын Ларисы Эдик поступал в краевой университет, и подруга все свои усилия и немалые деньги потратила на репетиторов из числа будущих преподавателей.

«Море накрылось медным тазиком», — вздыхала она в перерывах между просмотрами фотографий. Но в конце мая Лариса задалась вдруг целью отправить Марину на отдых, и непременно в Гагры. Поначалу та упиралась, но, когда подоспел отпуск, ей вдруг безудержно захотелось увидеть наяву и это море, и эти пальмы, и кипарисы... А ноги у нее даже в тридцать шесть лет выглядели не менее стройными, чем у дочери, и со всем остальным тоже все было в порядке. И чем, спрашивается, она хуже Ларисы? Почему бы не позволить себе хоть раз в жизни устроить дефиле по бесконечному пляжу в

Гаграх, коллекционируя восторженные взгляды мужчин?

В отличие от нее Ларисе годом ранее пришлось три месяца посещать косметический салон и тренажерный зал, чтобы похудеть к отпуску. На борьбу с целлюлитом ушло едва ли не больше средств, чем в будущем на репетиторов, но результат был ошеломляющим. Из Абхазии Лариса вернулась счастливой и вдохновленной. Там она встретила мужчину своей мечты, который оказался в конце концов примитивным альфонсом. Но Лариса его простила.

— Я ведь не мужа себе приехала искать, а просто расслабиться, — объясняла она Марине. — А он меня любил. Правда, за мои деньги, но какая разница?

Что ж, Лариса могла себе позволить и месяц в Гаграх, и альфонса, и дорогуших репетиторов для Эдика. Ее зарплата бухгалтера была несопоставима с директорским жалованьем Марины. Дело в том, что Лариса трудилась в коммерческом банке, а Марина — в музее. И если средств Ларисы хватало, чтобы съездить среди зимы в Таиланд, а летом махнуть в Турцию или по необъяснимому капризу — в Гагры, то Марине пришлось сначала изрядно урезать себя в расходах, чтобы отправить дочь в молодежный лагерь «Океан», а затем поднапрячься и все-таки собрать нужную сумму на поездку к такому желанному, но очень далекому морю. До Москвы она добиралась самолетом, преодолев почти пять тысяч километров. Прямой перелет до Сочи и обратно съел бы все ее сбережения без остатка, поэтому путь от Москвы до Адлера Марина решила осилить на поезде, надеясь, что дешевый отдых в Абхазии — не досужие рассказы...

Но теперь ее мытарства подходили к концу. И, вероятно, оттого что море во сне не штормило и почти не волновалось, Марина проснулась в хорошем настрое-

нии. К тому же радости ей прибавило отсутствие бабу-
си, которая под утро сошла в Краснодаре. Появилась
уверенность, что до Адлера никого в их купе не поделят.
Сабрина спала на верхней полке и улыбалась во сне. Ра-
зумеется, вечер в ресторане оказался для нее более при-
ятным, чем пустая болтовня с назойливой старухой.

Марина взяла полотенце, вышла из купе и зажмури-
лась от потока солнечного света. Она прошла вдоль ва-
гона. Мимо окон проносились поросшие лесом горы, и
даже через стекла ощущались пряные запахи зелени и
ароматы незнакомых цветов.

— Подъезжаем к Туапсе! — прокричала от титана с
кипятком проводница. — Через полчаса закрываем туа-
леты. Санитарная зона...

Умывшись, Марина вернулась в купе. Сабрина уже
спустилась вниз и, подняв штору на окне, придирчиво
рассматривала свое лицо в зеркале.

Марина молча уселась напротив.

— Фу-у! — Сабрина наконец оторвалась от зеркала. —
Вчера столько шампанского вылакала, до сих пор мутит.
Парень-то при денюжках. Жалко, что семейный, но обе-
щал найти меня в Сочи. Правда, видок у него... — Саб-
рина поморщилась. — И врет наверняка. Только в своем
колхозе появится, жена его за шкварник и на цепь, пока
деньжата не выдоит. Да и рожа у него кирпича просит.
Мне бы кого посолиднее... — Она мечтательно вздохну-
ла. — Я в прошлом году в Ялте такого мэна окрутила.
Неделю сношались, как кошки угорелые, а потом его
вешалка с детьми нарисовалась, он и слинял. На набе-
режной встретимся, он раз — и в сторону, а сам косится,
косится... — Выставив грудь, Сабрина закинула руки на
затылок и потянулась. — Ничего, выносливый был муж-
чина. Главное, при бабках и без затей. Шибко не ревнов-
вал, на подарки не жадный... Знаешь, со мной он за не-

делю килограммов семь сбросил. Так что секс — лучшая диета для мужиков!

Марина упорно молчала. Кажется, она была не права. Даже разговорчивая бабуса в попутчицах, несомненно, большее удовольствие, чем сексуально озабоченная красотка. Слава богу, осталось совсем немного до конечной станции, где их пути разбегутся в разные стороны. И Марина никогда не узнает, с кем провела лето Сабрина — продавщица цветочного магазина в Москве, которая страстно желала найти своего Генри Хиггинса¹, но в отличие от того, английского, при больших деньгах и связях.

Марина не числила себя пуританкой. Около пяти лет она встречалась с одним интересным и, несомненно, талантливым, но абсолютно беспомощным в окружавшей его жизни человеком. Постепенно все его проблемы плавно переместились на ее плечи. Временами Марина вытаскивала его из запоев, устраивала выставки его картин, выкраивала деньги, чтобы напечатать каталог к выставке его работ в Москве. А Федор, так звали художника, все ныл, ныл, что его не понимают, не ценят, обижают и вообще рубят под корень его выдающийся талант...

В итоге полтора года назад он неожиданно женился на пожилой сухопарой голландке, которая два сезона подряд проработала на раскопках Толбока — древнего кургана, с которым было связано много легенд и преданий. Они-то и стали причиной его с Мариной разрыва. Голландка увлекалась местными легендами, Федор удачно воплощал их в своих полотнах. Голландка восхищалась его талантом, Федор млел от счастья. Вполне за-

¹ Генри Хиггинс — профессор-лингвист, герой пьесы Б. Шоу «Пигмалион», который выиграл пари, «вылепив» из простой цветочницы Элизы Дулитл светскую даму.

кономерно, что пятидесятилетняя старая дева безумно в него влюбилась и прямолинейно заявила, что хотела бы изведать с ним радости брака. Марина узнала об этом только через два месяца, когда вернулась из длительной командировки в Бурятию, где она читала лекции в местном университете.

Ее удивило, что на этот раз Федор не встретил ее в аэропорту, хотя точно знал о времени ее прилета. Дома она обнаружила, что незадолго до ее возвращения он забрал свои вещи. Их было немного: полотенце, зубная щетка, бритва, спортивный костюм и кое-что по мелочи. Одним словом, тот самый джентльменский набор одинокого мужчины, который иногда остается ночевать у дамы своего сердца.

Марина позвонила ему и получила в ответ, наверное, то, что заслуживала.

— Ты никогда меня не понимала! — истерично кричал в трубку Федор. — Ты ставила мне палки в колеса! Мне нужен этот брак, и точка! Если меня не пускают в дверь, я должен залезть в окно!

— Это окно в Европу? — Марине удалось задать лишь один вопрос в тот момент, когда он прервался на секунду, чтобы набрать в легкие воздуха.

— Ты всегда язвись, подкальываешь меня, — взвился Федор. — Все эти годы ты видела, что мне плохо, меня не ценят, гнобят по всякому поводу. Ты была озабочена только своей карьерой, а на мои неудачи тебе было наплевать. Мне давно об этом говорили, но, только встретив Патрицию, я понял, насколько эти люди правы. Ты была абсолютно ко мне равнодушна...

Федор продолжал что-то кричать в трубку, но Марина молча вернула ее на рычаг. Она была в шоке от услышанного. Чего-чего, а такой чудовищной лжи и жестоких обвинений она никак не ожидала. Позже она поняла, что агрессивный выпад Федора объяснялся эле-

ментарной трусостью. Он понимал, что совершил предательство, но, как все жалкие и слабые люди, постарался компенсировать свои душевные муки, причинив боль близкому человеку...

Некоторое время она сидела, уставившись в стену перед собой. В ее голове не укладывалось, как Федор мог так чудовищно обойтись с ней. Но более всего ее убило известие, что, оказывается, в его окружении нашлись «эти люди», которые сумели убедить Федора, что свои заботы она ставила превыше его забот.

«Низкая, беспардонная ложь!» — безотвязно стучало в ее голове. К счастью, эту мысль вскоре задавили другие: о предстоящей летней археологической экспедиции в Долину тридцати курганов. В центре ее и располагался Толбок — последнее пристанище древнего правителя, о могуществе которого говорили не только высота и размеры кургана, но и обилие предметов обихода, оружия, золотых украшений и утвари, которые, по обычаю, сопровождали умершего в иной мир.

Марина начала раскопки Толбока еще при жизни Семена. Именно этот курган отобрал у нее мужа, а дама, работавшая на его раскопках, увезла в голландские дали ее второго мужчину, хотя в то же время позволил ей защитит сначала кандидатскую, а следом и докторскую диссертации. Но женское счастье от нее определенно отвернулось. И хотя Марина всегда знала, что вялотекущий роман с Федором обречен на вымирание, тем не менее долго переживала его предательство. И даже пару раз, таясь от дочери, всплакнула.

Но время лечит. И сейчас она с недоумением думала, как могла страдать о никчемном слюнтяе и иждивенце. По сути, он был тем же альфонсом, что и южный приятель Ларисы. И своей голландской сопернице Марина могла только посочувствовать. Федор был ко всему прочему большим неряхой. Грязные носки и рубахи валя-

лись по всей квартире, однокомнатной и неухоженной, которая досталась ему в наследство от матери. К счастью, квартиру он не продал. Надо сказать, это был единственный вполне благоразумный поступок, который ему удалось совершить в своей жизни. Видно, не слишком он надеялся на счастливый союз в чужой для него Голландии, оттого и послушался Марининого совета. А может, втайне надеялся, что она примет его в случае неудачи обратно.

Но исполнять роль запасного аэродрома было не в ее правилах. Поэтому первой, скрытой для посторонних, причиной ее решения поехать к морю явился недавний телефонный звонок Федора. Бывший любовник робко интересовался погодой и ее планами на лето, из чего Марина сделала вывод, что предчувствия ее не обманули. В ответ она обстоятельно изложила прогноз синоптиков на предстоящий месяц, но о планах поведала туманно: дескать, время покажет... И весьма конкретно намекнула, что воплощать их в жизнь предпочитает в одиночку.

Больше Федор не звонил, но и она решила не провоцировать судьбу. Ведь он в любой день мог вернуться в свою квартиру, и хватит ли у нее выдержки противостоять его нытью и самобичеванию? Марина сильно в этом сомневалась. И не потому, что слишком любила Федора. Просто его слезы, которые он талантливо выжимал из себя всякий раз, когда она сопротивлялась, превращали ее в слабое, уязвимое существо. Она не выносила, когда люди плачут. Чувствовала себя законченной злодейкой, почти садисткой и старалась остановить этот поток, даже если понимала, что он фальшивый.

— Слушай, с чего тебя понесло в Гагры? — Сабрина покончила с макияжем и, зевнув, уставилась на Марину. — Делать тебе нечего! После войны там все захирело, развалины кругом, разруха... Все мужики с автоматами, а бабы с тачками. И повеселиться негде. Из еды

одна мамалыга да вино. А в Сочи мы с тобой такой фейерверк устроим!

— Не нужно мне фейерверка, — улыбнулась Марина. — Я просто хочу отдохнуть. Никаких кафе, никаких ресторанов... Чтобы петухи на заре, море в десятке шагов, тенистый сад и ночное небо с огромными звездами над головой. И как можно меньше людей рядом, тем более отдыхающих.

Сабрина презрительно скривилась:

— Все это лирика, дорогая! По мне, это полная тошнيلовка! Как можно без мужика отдыхать? Он же для тонуса!

— Да какой тонус? — засмеялась Марина. — Кормить его, поить, выгуливать, майки стирать, трусы... Нет, я лучше одна. Ни клятая, ни мятая. Сама себе хозяйка. Хочу — иду на море, хочу — не иду. С кем? Когда? Это мое личное дело. Что касается разрухи и мужиков с автоматами, то это в прошлом. Моя подруга недавно отдыхала в Гаграх и очень жалеет, что не смогла поехать вместе со мной.

— Ты хоть знаешь, где эти Гагры? — Сабрина смерила Марину насмешливым взглядом. — Километров тридцать от вокзала. Довезут тебя только до Казачьего рынка, а от него километра два пешком до пограничного поста. Часа два выстоишь, прежде чем пройдешь таможенный досмотр, после столько же, чтобы зарегистрироваться. А потом опять пешочком через мост и снова очередь — теперь уже на абхазской границе... Сдохнешь, пока доберешься!

— Не знаю, — сухо ответила Марина, — подруга сказала, что прошла границу без хлопот. К тому же меня встретит на машине хозяин дома, где я буду жить.

— Прямо в Адлере встретит или на границе? — ожилилась Сабрина. — Может, мы прошвырнемся до Сочи, найдем мне комнату?

— Я не знакома ни с хозяином, ни с хозяйкой, поэтому ничего не могу обещать. Договоришься с ним — пожалуйста. Не договоришься — прости, я здесь ничего не решаю.

— Ладно, только не теряйся, когда мы из поезда выйдем. У тебя, смотрю, одна сумка, а у меня вон какой чемоданище. Настоящий бегемот! Буду в нем жить, если не сниму квартиру. Представляешь, личное бунгало прямо на пляже... — Сабрина мечтательно закатила глаза. — А рядом мачо... Нет, абрек! Смуглый, жилистый, в черкеске с газырями, в папахе, с кинжалом! Усатый! — Она закрыла лицо руками. — Боже, как я люблю усатых мужчин с бритой головой!

Марина представила это сочетание и фыркнула:

— Так то ж не мачо, а Григорий Котовский, — и на всякий случай уточнила: — Герой Гражданской войны.

Но Сабрина выхватила только слово «герой».

— Ну да, герой! — оживилась она. — Лысые мужчины такие сексуальные!

«О боже! — тоскливо подумала Марина. — Заткни этой шлюшке рот!»

В это время поезд нырнул в туннель. Грохот колес заглушил болтовню Сабрины, а тусклый свет в купе, Марина очень на это надеялась, не позволил попутчице разглядеть кислое выражение на ее лице. Они долго мчались сквозь крошечную темноту, затем поезд вырвался из туннеля. Марина замерла от восхищения. На склонах гор тут и там виднелись белые, утопавшие в садах двухэтажные особняки с уютными двориками и верандами, обвитыми виноградом; застыли вдоль дороги темные кипарисы, издали похожие на клинки кинжалов; пальмовые аллеи сменяли ряды высоких эвкалиптов и платанов; буковые и кленовые леса затянули горы, а низины утонули в зарослях орешника, акаций, олеан-

дров и неизвестных ей деревьев, окутанных розовой и белой дымкой соцветий.

Цветочный запах стал гуще, словно в купе разлили флакон дорогих духов.

— Туапсе! Туапсе! Готовимся к выходу в Туапсе! — прокричала за закрытыми дверями проводница.

Но эти крики не касались Марины, и она привычно не обратила на них внимания. Она с восторгом вдыхала проникавшие сквозь задраенное стекло ароматы. А поезд уже мчался по городу. Потоки машин, красивые дома, санатории, магазины, рекламные щиты, кафе, кафе, еще одно кафе... Куртины роз, кусты бегоний, лохматые пальмы, снова кипарисы, усыпанные крупными, словно восковыми цветами магнолии и мелкими ярко-красными розетками — гранатовые деревья... Все это мимо... Мимо...

Вдруг горы раздвинулись, словно театральный занавес, и Марина увидела море. Сердце ее сжалось. Она так долго ждала его появления и все же оказалась не готова воспринять и этот бесконечный простор, и эту голубизну, и белые барашки волн, и солнце, чьи лучи разбивались о воду на тысячи осколков. И эти осколки блестели, переливались, играли, рябили в глазах, заставив Марину зажмуриться. Она надела темные очки, и краски тут же померкли, словно лазурь подправили серым цветом.

— Смотри, смотри! — вскричала Сабрина и, вскочив, стала вглядываться в окно. — Сколько мужиков на пляжах! — Она вернулась на полку и довольно потерла ладони. — Много потеряешь, подруга, в этих Гаграх!

— Каждому свое! — ответила Марина. Честно сказать, обнаженные тела на гальке ее интересовали мало. Правда, их обилие в какой-то степени радовало, значит, море прогрелось, а она страсть как не любила купаться в холодной воде.

— Ой-ей-ей! — обиженно отозвалась Сабрина. —

Корчишь из себя... Знаю я таких монашек! А сами как дорвутся! Встречала я однажды одну профессоршу. Сначала она носом крутила, а потом ударилась во все тяжкие. Она у меня за стенкой жила и такое откалывала, рассказывать — не поверишь! О-о! — Сабрина томно закатила глаза. — А днем такая образцовая, скромная.

— Ты зачем мне об этом рассказываешь? — улыбнувшись, спросила Марина. — Я смахиваю на эту профессоршу?

— Ну, не совсем. — Сабрина пожала плечами. — Той оторве лет пятьдесят уже стукнуло. И толще тебя она была раза в два, если не больше. Но поначалу все кривилась, ну как ты точь-в-точь... А после шорты натянула, майку с крутым вырезом и понеслась по кочкам...

— Сабрина, будь добра, избавь меня от этих милых подробностей! — Марина в упор посмотрела на соседку по купе. — Мне это неинтересно!

— Ну и дура! — надулась Сабрина. — Ты в колготках небось на пляж пойдешь и в бронежилете?

— Это мое дело, в чем ходить на пляж, — сухо сказала Марина. — Тебе нравится отдыхать в кругу поклонников, мне — в одиночку. Толпы мне дома хватает.

— Слушай, ты, наверное, в библиотеке работаешь? Или училкой? Начальных классов? — снова оживилась Сабрина. — Это такие, как вы, учат детей, что у нас секса нет! Вот и вырастают озабоченные, все в угрях и в сперме... А в Америке пацан уже в четырнадцать лет взрослых телок трахает, конкретный опыт зарабатывает.

— А ты бывала в Америке? — усмехнулась Марина. — Своими глазами видела этих пацанов? Или на себе испытала?

Сабрина поморщилась:

— Была, не была... Какие мои годы? Еще побываю. А тебе, вижу, против шерсти разговоры о мужиках.